

СМЕНА КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Романчук А.А.

ТРИ КИТА РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОЛНАХ ИЛЛИРИЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

*В основании всякого «знания», хотя бы самого
точного, лежит религиозная вера.
О. Шпенглер*

Romanchuk A.A. Three whales of Early Scythian Culture on the waves of Illirian expansion.

The basic postulate of contemporary science is that the Scythes-nomads conquered the aborigines of forest-steppe areas of Northern Pontic Region. The spreading of so called «Scythian triad», anthropomorphic statues and changes of funeral rite in early Scythian times in the forest-steppe areas are in the fundament of this theory. But analyses of all these facts contradict not only the «theory of conquering», but generally the idea of «triad» as a whole complex – an indicator of some concrete ethnos. What can we say about united Scythian culture, if some Scythian types existed in the steppe, but others – in the forest-steppe area only? The «triad» is the abstract image, made by scientists, not Scythes. But the decisive reason is spreading of the Scythian statues, which were called one of the most important indicators of the Scythian culture, only in the steppe area of Northern Pontic Region. The funeral rite does not unite the Northern Pontic Region too, moreover, we clash with a problem of choice – what type of funeral rite is really a Scythian? However, we have some categories of material culture, which is not connected with Scythian conquering and these categories, on the contrary, just unites the Northern Pontic Region in one whole. And if we pay attention to these categories, we'll see very strong influence from the west, from Hallstatt cultures, especially Illirians, to the Ukrainian forest-steppe areas in the early Scythian times. We are talking about polished ceramics, ornaments and sacrificed grounds. Western influence in the Northern Pontic Region in the early Scythian times was very strong, and was more important than that from the east. But the question about concrete mechanisms and their nature remains, so that a simple change of eastern priorities to westerns ones didn't appear in the evaluation of the archaic Scythian phenomenon and instead of the theory about the Scythian invasions from the east didn't appear the theory about the Illirian invasions from the west. However, this is only a preliminary outline to the decision of these problems, an attempt to attract your attention and an invitation for discussion.

Среди множества проблем, стоящих перед исследователями архаической Скифии, трудно назвать самую интересную или самую важную. Сегодня внимание ученых приковано к взаимоотношениям ранних скифов и государств Передней Азии, происхождению раннескифского комплекса, созданию относительной хронологии раннескифской культуры, упорные дискуссии разворачиваются вокруг удревнения абсолютных датировок раннескифской культуры (Погрובהва, Раевский 1992; Эрлих 1994; Еременко 1997; Мансфельд 1992; Медведская 1992).

В этой толпе грандов весьма достойное место должна занимать и проблема, которую в первом приближении можно сформулировать как проблему локализации архаической Скифии. В современной российской историографии эта проблема реализуется, как правило, в виде топоса о локализации раннескифской культуры только в северопричерноморской лесостепи, степь же в раннескифское время якобы не интересовала кочевников ни как место обитания, ни даже совершения погребений.

По мнению К. К. Марченко и Ю. А. Виноградова, предложивших на основе всего накопленного к началу 90-х годов скифологией опыта целостную концепцию истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху, в архаическое время «кочевники захватывают все наиболее благоприятные в природно-климатическом и демографическом отношении районы, не встречая серьезного сопротивления. Важно отметить, что все эти районы находятся за пределами собственно степного коридора. Степи Северного Причерноморья во второй половине VII и большей части VI вв. до н. э. были местом обитания небольших групп скифов. Основные центры Скифии в это время находились в Предкавказье и северопричерноморской лесостепи» (Виноградов, Марченко 1991: 148-149).

В этих словах авторы выразили некое общее мнение исследователей скифской культуры, которое, быть может, и не всегда произносится, но всегда присутствует в предлагаемых гипотезах и интерпретациях. Доказательством этому служит и прошедшая на страницах «Россий-

кой Археологии» дискуссия по проблеме раннескифской хронологии, участники которой, начиная с И. Н. Медведской (Медведская 1992), ограничили свое внимание памятниками лесостепи.

И действительно, по сводке В. Ю. Мурзина, количество памятников его первой, древнейшей группы архаических степных скифских погребений, собственно и составляющих скифскую архаику (во вторую группу он включает памятники конца VI—V вв. до н.э.), можно сосчитать по пальцам, и они рассредоточены по всей северопричерноморской степи (Мурзин 1984: 46). Мурзин также считает, что степи Северного Причерноморья в ранний период скифской истории не играли большой роли, в отличие от Предкавказья (Мурзин 1984: 98). Последние сводки степных памятников, хоть и приводят более значительные цифры — до 54 комплексов (Полидович 1994: 189), на кардинальное изменение традиционной картины скифской истории архаического периода не претендуют.

Таким образом, вопрос о причинах размещения раннескифских памятников только (или преимущественно) в лесостепи органически присущ современной концепции истории архаической Скифии и, соответственно, является весьма злободневной темой для дискуссий и раздумий.

Но не в меньшей, если не в большей степени интересно то обстоятельство, что отправной точкой современной скифологии служит постулат о покорении скифами населения лесостепи и формировании в результате этого синкретической общности архаической Скифии, в которой «скифы образовали правящий класс, своего рода аристократию» (Виноградов, Марченко 1991: 149) и являлись структуроорганизующей силой возникшей общности.

Здесь мы оказываемся на стадии второго приближения к проблеме. Вопрос, почему же скифы не хотели жить в степи, традиционен и пользуется значительной популярностью в историографии. Достаточно традиционны и предпочитаемые ответы (Скорый 1996: 6).

Но насколько обоснован сам исходный постулат поиска ответов? Действительно ли кардинальной осью развития анализируемой этнокультурной ситуации служило завоевание скифами лесостепи, были ли скифы структуроорганизующей силой возникшего культурного феномена и доминирующим политическим фактором в регионе? Эти сомнения имеют принципиальное значение. Не разрешив их, двигаться далее невозможно.

Однако в современной скифологии они никому не мешают, она не может о них даже подумать, поскольку сам исходный постулат для критики недоступен, он принят как данность, как аксиома. Перед нами, несомненно, одно из проявлений исходной априорности, неизбежно лежащей в начале начал любой науки (Шпенглер 1997: 565, Ткачук 1996: 23-42). Но наука время

от времени все же перетряхивает свои аксиомы и, избавляясь от старых, приобретает новые, в чем, по меткому замечанию Шпенглера, и состоит ее развитие.

И если браться за перетряхивание аксиом скифологии, то проблема локализации трансформируется в проблему интерпретации архаической Скифии.

Причины дискретной локализации раннескифской культуры могут крыться в самой раннескифской культуре, а суть происшедших в Северном Причерноморье с началом скифского времени изменений — не исчерпываться в смысловом поле парадигмы рождения скифской культуры. Подчеркнем — археологической культуры, то есть искусственном феномене, созданном археологией с помощью специфического мировидения, а потому относительном, зависящим от существующей сегодня парадигмы. Это свойство археологической культуры делает необходимостью время от времени подвергать ее критической рефлексии и проверять на прочность и внутреннюю непротиворечивость наше представление о ней.

Подобная операция была применена Л.С.Клейном к катакомбной культуре и показала ее фантомный характер (Клейн 1970). В отношении же раннескифской культуры ее необходимость может подтвердиться только в процессе критики.

Но, во всяком случае, здесь возникает любопытный парадокс: мы находим архаическую Скифию только в лесостепи, и вместе с тем лесостепь в историографии выступает как нечто чуждое, независимое и упорно сопротивляющееся скифам — кочевникам, лесостепь — это не Скифия (Мелюкова, Яценко 1990: 14; Скорый 1996: 6; Шрамко 1971: 96).

Получается, что степь — не Скифия, и лесостепь — не Скифия в это время.

Но если степь не Скифия в силу малочисленности и разбросанности скифских памятников этого времени, то культура лесостепи выступает в роли двуликого Януса, и хотя каждый исследователь поворачивает его к себе то той, то этой стороной, внутренняя сущность самого Януса ускользает даже не от понимания, но от внимания интерпретаторов. Это показывает, что проблема территориальной дискретности раннескифской культуры может быть разрешена именно в процессе критики существующей парадигмы раннескифской культуры. Вопрос, почему архаическая Скифия существует только в лесостепи, таит в себе другой вопрос: что кроется за скифизацией культуры лесостепи и насколько происходившие в Северном Причерноморье перемены вписываются в концепцию рождения раннескифской культуры в результате подчинения скифами населения лесостепи?

Необходимо разоблачение Януса.

Прежде чем приступать к этой процедуре и пытаться ответить на поставленные вопросы,

следует отметить, что пример раннескифской культуры не уникален, более того, мы можем сказать, что он является развитием и продолжением предшествующей археологической ситуации, а проблема территориального размещения памятников этой культуры повторяет проблему локализации памятников новочеркасского типа, ставших одним из субстратных компонентов раннескифской культуры (Медведская 1992: 87; Погребова 1993: 85). Так же, как и памятники последней, памятники новочеркасской культуры расположены только в лесостепной зоне Северного Причерноморья, а в степи представлены, по мнению О. Р. Дубовской, кладами и случайными находками (Дубовская 1989: 63-89), хотя последний вывод принимается и не всеми исследователями (Скорый 1991: 14-25). Соответствует раннескифской и общая парадигма этой культуры как возникающей в результате завоевания кочевниками населения лесостепи, а по мнению ряда исследователей, скифы, собственно, и были носителями новочеркасской культуры (Эрлих 1994: 29; Мурзин, Скорый 1994: 145-146).

Значит, такое положение родилось раньше Скифии, хотя насколько раньше – отдельный вопрос; если в целом исследователи склонны удревить начало новочеркасской культуры до IX в. до н. э. (Махортых 1994: 149), то время существования новочеркасской культуры в приднепровской лесостепи определяется сегодня сроком около 30 лет, или как период жизни одного поколения (Скорый 1996: 3).

В отличие от раннескифской культуры, феномен памятников новочеркасского типа пытались объяснить и иными причинами, в основном опираясь на отчетливые следы кавказского влияния в их облике (Иессен 1953: 69; Клочко 1979: 36; Эрлих 1994: 34). Кавказское влияние достигало в это время даже Камы (Членова 1988: 8), но в памятниках новочеркасского типа оно особенно сильно, и А. А. Иессен, анализируя состав Новочеркасского клада 1939 г., определял топор, удила и псалии из него как кобанские (а наконечники стрел — раннескифские) (Иессен 1953: 69). Из представления об этой кавказской вуали над Северным Причерноморьем закономерным результатом стало появление гипотезы о надкультурном характере элементов, определяющих лицо памятников новочеркасского типа (Дубовская 1989: 87).

Эта гипотеза позволяет снять значительную долю недоумений по поводу пространственной дискретности новочеркасской культуры. Правда, остается вопрос о предрасположенности к восприятию кавказского влияния и конкретных механизмах процесса. Тем не менее, идея весьма плодотворна и привлекательна, а для нашей проблемы весьма важна. Если феномен новочеркасской культуры является предысторией раннескифской и комплементарной частью общей проблемы локализации этих куль-

тур, логично предположить и необходимость общего решения. Сама же постановка вопроса о надкультурности оказывается на подступах к анализируемой ситуации. Распространение надкультурных элементов нет нужды связывать с завоеванием одного народа другим и, более того, говорить о возникновении новой культуры.

Однако насколько приемлема гипотеза о надкультурности, тем более, что для памятников новочеркасского типа она сразу же была подвергнута острой критике (Скорый 1991: 160-161)? Применимо ли это понятие к раннескифской культуре?

Ясно, что эти вопросы нуждаются прежде всего в ответе, что такое раннескифская культура вообще, то есть, что представляют собой те инновации в материальной культуре, которые означают начало скифской эпохи в Северном Причерноморье.

Круг их достаточно широк, но если попытаться обобщить наше представление, эти инновации состоят в появлении новых типов оружия, конской узды, замене спирально-геометрического стиля орнамента скифским звериным стилем и изменениях в погребальном обряде.

Список инноваций можно продолжить, но перечисленные выше являются определяющими и занимают привилегированное положение, особенно оружие, конская узда и скифский звериный стиль, получившие название «скифской триады», которая подменяет нередко собой весь раннескифский комплекс (Алексеев 1996: 11; Медведская 1992: 88-91; Мансфельд 1992: 110-111).

В. Ю. Мурзин, рассматривая вопрос происхождения раннескифской культуры, пишет, что «к числу основных категорий, которые собственно и определяют облик раннескифской культуры, мы относим оружие, конскую узду, каменные блюда, антропоморфные изваяния и еще некоторые элементы» (Мурзин 1984: 66).

Поэтому нам следует начать именно с триады. Она действительно стала символом скифской эпохи и чрезвычайно яркой чертой материальной культуры населения Северного Причерноморья, а ее распространение явилось событием грандиозным. Однако, еще в 50-е годы была поднята проблема надкультурного характера основных элементов триады (Граков, Мелюкова 1954: 92).

В качестве аргументов обращалось внимание и на ее чрезвычайно широкое распространение, выходящее даже за пределы евразийских степей, и на то, что триада образована элементами, чрезвычайно легко заимствуемыми. И оружие, и конская узда, и украшения в зверином стиле — все это вещи престижные, относящиеся к парадной сфере культуры, и их распространение можно связывать прежде всего с механизмом моды; к тому же эти «портативные элементы, легко переходящие из одной культуры в другую», достаточно вариативны и непо-

хожи в различных частях евразийских степей (Граков, Мелюкова 1954: 92).

В близкой форме выразил эту же идею А. М. Лесков, считая, что оружие и конская узда должны использоваться сугубо для решения задач хронологии, но не этнокультурной преемственности и культурной идентификации (Лесков 1971: 90).

В современной историографии надкультурный, космополитичный характер триады не только признается (Погребова, Раевский 1992: 50), но даже подчеркивается ее внедрение в заведомо разные культуры (Алексеев 1996: 11). Наряду с этим, правда, сохраняется представление о триаде как диагностирующем показателе неких скифской культуры и этноса (Белозор 1991: 170-172), причем оба представления парадоксально сосуществуют не только вообще в историографии, но нередко у одного и того же автора (Алексеев 1996: 11).

Однако отсюда следует, что раз триада лишена того культуuroобразующего значения, которое приписывается ей в существующей археологической парадигме, то и раннескифская культура, если выделять ее на основании присутствия триады, превращается в фикцию.

Вторым следствием является то, что парадигма «завоевания» вовсе не служит условием *sine qua non* распространения триады.

Скифизация может отражать вовсе не явление симбиоза и доминанции скифов, но только восприятие моды. Тем более что распространение «скифских типов» ослабевает к северу в приднепровской лесостепи еще в пределах скифской культуры – в каневской группе в памятниках, синхронных старшежуровским, «мало предметов оружия, конской узды, скифского звериного стиля, отсутствуют наваршия и бронзовые котлы» (Ильинская, Тереножкин 1983: 276). Более того, С. А. Скорый указывает на концентрацию и новочеркасских, и раннескифских памятников на Правобережье Среднего Поднепровья, где существовало, по его мнению, сильное военно-политическое образование аборигенного населения, и их сравнительную малочисленность в других областях украинской лесостепи (Скорый 1994: 151).

Парадокс заключается в том, что скифизмуруется наиболее мощная в военном отношении этнокультурная группа лесостепи, а в более слабых эти процессы менее заметны.

В этом же ключе работает и то, что на территории Азербайджана, по сведениям Геродота, служившего «скифской дорогой» для нашествий в Переднюю Азию (Геродот IV, 12), в скифское время продолжает существовать без значительных изменений ходжалы-кедабекская культура, скифское влияние на которую слабо ощутимо и ограничивается восприятием отдельных элементов триады (Халилов 1971: 183-187). Еуджен Москалу отмечает, что в памятниках типа Сентеш-Векерзуг и Чиумбруд,

наличие элементов триады в которых послужило основанием для ряда исследователей говорить о завоевании скифами этих территорий, 99% и даже 100% керамического комплекса составляет местная керамика, а между тем, пишет он, «никто не говорит о кельтах в Трансильвании без кельтской керамики» (Москалу 1991: 162).

Тезис о том, что кочевники не приносят с собой своей керамики, а пользуются местной, послуживший, в частности, одним из контраргументов С. А. Скорому в полемике с О. Р. Дубовской о надкультурном характере новочеркасских памятников (Скорый 1991: 160-161), не так уж бесспорен. Кочевники вовсе не находятся в состоянии постоянного доминирующего симбиоза с оседлым населением, и в такие периоды они вынуждены изготавливать себе посуду сами. Речь, несомненно, должна идти о домашнем производстве, и, вероятнее всего, это был удел женщин и детей. Поэтому, даже завоевав какое-то оседлое население, кочевники вряд ли были так уж заинтересованы в местной керамике, разве что в ее парадных, престижных формах. Отказ от этого положения должен был диктоваться весьма серьезными причинами, а скорее всего одной – гибелью своих жен и детей. Такие варианты тоже возможны, но смешно считать, что кочевники постоянно и сознательно обрекали их, родную кровь, на гибель, устремляясь в походы и завоевания новых земель. Не стоит забывать и о сакральной функции некоторых категорий керамики. О том, что кочевники приносили с собой свою керамику, свидетельствует, в частности, и то, что мы находим скифскую керамику в памятниках Добруджи, на территории так называемой «малой Скифии» (Москалу 1991: 162).

Так что факта присутствия триады явно недостаточно для утверждения о завоевании скифами какой-либо территории.

С другой стороны, обращает на себя внимание и факт отсутствия единого архетипа триады даже в границах Северного Причерноморья (Шрамко 1971: 95), выраженный в том числе и в значительном разнообразии и «отсутствии стандарта» в оформлении отдельных элементов триады даже в одном могильнике (Галанина 1994: 96). По словам В. Г. Петренко, «для каждого региона скифской культуры характерны все же свои особенности развития материальной культуры, и, в частности, типов наконечников стрел», сохраняется только «общая тенденция в развитии форм» (Петренко 1990: 73). В некоторых локальных группах отсутствуют отдельные элементы триады, даже весьма яркие, как, например, зооморфные псалии, выступающие в периодизационной схеме раннескифской культуры, предложенной И. Н. Медведской, хронологическим индикатором прихода новой волны скифов и начала второго этапа раннескифской культуры (Медведская 1992: 87), отсутствуют в запад-

ноподольской группе (Смирнова 1993: 117).

Отметим также, что если рассматривать степные памятники как конденсат среды, в которой происходил генезис триады, то в них отсутствует ряд таких ее важных элементов, как навершия, шлемы кубанского типа (Мурзин 1984: 66), зеркала с боковой ручкой (Кузнецова 1990: 87), а каменные блюда все-таки представлены в незначительном количестве – четыре экземпляра (Мурзин 1984: 87).

Все это не согласуется не только с концепцией завоевания лесостепи скифами – носителями триады, но и вообще с идеей триады как целостного комплекса, присущего конкретному этносу. Триада – собирательный, абстрактный образ, созданный не скифами, а скифологами. Поэтому бессмысленны и поиски некоего гипотетического очага генезиса триады, не увенчавшиеся, кстати, до сих пор успехом (Алексеев 1996: 9).

Из проявившегося полицентризма происхождения элементов триады возникает мысль о принципиально ином механизме ее распространения и, шире, иной модели реконструкции событий. Не завоевания скифов, а взаимодействие культур, в ходе которого вырабатываются общие стереотипы, не затрагивающие, в принципе, основ существования этих культур.

Несколько диссонирует с этим утверждением, пожалуй, только наличие в триаде (с ними – пентаде) таких элементов, как каменные блюда и бронзовые жертвенные ножи – вещи явно сакрального, ритуального характера. (Впрочем, ряд исследователей отрицает сакральный характер каменных блюд: Мурзин 1984: 87). Но мы имеем и другие примеры распространения вещей подобного рода на огромные расстояния и внедрения в «заведомо разные культуры», весьма труднообъяснимые, как распространение в позднебронзовое время от Северного Причерноморья до Сибири чернолощеной керамики, «образующей в памятниках Кобани, Тагискена, Дындыбай-Бегазы и карасукских разную по удельному весу, но чрезвычайно яркую группу» (Грязнов 1966: 31-34), или распространение «топоров с крылышками» во всем Средиземноморье, Малой Азии, Северном Причерноморье, Гальштате, Поволжье и Казахстане (Гернес 1914: 15).

Видимо, здесь мы имеем дело с какими-то глобальными изменениями идеологии в масштабе Евразии (степень сакрального единства которой мы, вероятно, недооцениваем: Мачинский 1998), хотя суть их мы и не вполне улавливаем.

Распространение скифской триады также вписывается в контекст подобного глобального изменения, особенно если иметь в виду ее важнейший элемент – скифский звериный стиль. Возникая, он сменяет (частично: Шрамко 1971: 96) в Северном Причерноморье т. н. спирально-геометрический стиль орнаментации, характерный для предскифского времени. Но северо-

причерноморский геометрический стиль только часть более значительного явления – европейского геометрического стиля, и его вырождение начинается практически одновременно в Северном Причерноморье, Греции и Италии; эти синхронии в развитии разных культур были замечены еще в начале века (Гернес 1914: 16).

Впрочем, надлом старого искусства в это время охватил гораздо более широкие пространства, одним из проявлений его стал кризис расписной керамики Сиалка В, структурная формула орнаментации которой идентична структурной формуле аттической вазописи позднегеометрического стиля, а датировка Сиалка В совпадает с временем существования позднегеометрического стиля в Греции (Медведская 1983: 28-30). При этом в Средиземноморье причиной распада геометрического стиля становится «ориентализирующее влияние» перднеазиатского искусства (Гернес 1914: 18; Coldstream 1968). Именно в результате ориентализации в среднеевропейском гальштате возникает в VII в. до н. э. так называемый стиль Кляйн-Кляйн (Parzinger 1991: 17), одновременно в Италии, в памятниках Эсте появляется звериный стиль ориентализирующего характера (Parzinger 1991: 12). Умолчим о набившей оскомину проблеме фракийского звериного стиля.

Происходит своеобразное «озверение» Евразии, «озверение» весьма широкомасштабное – чрезвычайно популярный в это время сюжет «шествия зверей» с характерным набором участников встречается от Башадара на Алтае (Баркова 1987: 23) до памятников группы Эсте в Северной Италии (Parzinger 1991: 19), причем решающую роль в «озверении» сыграли не скифы, а импульс со стороны цивилизаций Ближнего Востока.

Так, Д. Г. Савинов отмечает, что в первых веках I тыс. до н. э. «весьма близкие, а иногда и идентичные изображения фантастического хищника встречаются в самых разных культурах от Китая эпохи Западного Чжоу до Балкан и Греции (где они присутствуют, в частности, на серебряных беотийских фибулах IX-VIII вв. до н. э.)», но «истоки этого сюжета следует искать в искусстве высоких цивилизаций Ближнего Востока и его среднеазиатской периферии» (Савинов 1998: 163).

На фоне этого «озверения» и с учетом значимости фактора ориентализации в рождении звериных стилей в различных регионах Евразии, в том числе и на Алтае (Ильинская 1976: 9-30; Баркова 1987: 26), чрезвычайно интересно, что и сам скифский звериный стиль представляет, по существу, именно переработку перднеазиатских мотивов (Артамонов 1971: 26; Переводчикова 1979: 14; Баркова 1987: 23-26; Кисель 1996: 6; Канторович 1998: 147), то есть доминантой возникновения в Северном Причерноморье нового стиля является тоже ориентализация.

Любопытной иллюстрацией вписанности скифского звериного стиля в контекст глобальной культурной флуктуации выступает феномен такого яркого элемента триады, как скифские зеркала с боковой ручкой. Выделяются две основные группы – с головой барана на ручке и с фигуркой кошачьего хищника; встречается и фигура оленя (Кузнецова 1990: 82). Распространяются они преимущественно в Ольвии и других античных полисах Северного Причерноморья (16 экземпляров из комплексов), одно происходит с территории Венгрии из погребения с кремацией, три – с территории савроматов, два – кобанской культуры, два – западноподольской группы, из комплексов с невыразительным составом инвентаря, два – с территории остальной украинской лесостепи; в степи их нет (Кузнецова 1990: 87). Одно такое зеркало найдено в Северной Африке, в Кирене (Кузнецова 1990: 92). Эти зеркала большинство исследователей традиционно связывает со скифами (Кузнецова 1990: 90), и в этом убеждает и их оформление в зверином стиле.

Но баран – символ Диониса, кошачий же хищник – его второй половины – Аполлона. Лев был покровителем и хранителем Лидийского царства и конкретно Сард (Геродот I, 84), служил гербом Милета, чеканился на его монетах, монетах Пантикапея и «колхидках», и особо почитался в Дидимах, так же как баран в Дельфах. Олень являлся одновременно символом и Диониса и Аполлона (Кузнецова 1990: 85). Мы видим, насколько значимы для греков, и не только, эти персонажи звериного стиля, немаловажно и то, что зеркала, происходя от чаш-патер, вообще причастны культу Диониса (Кузнецова 1990: 82).

Однако если Т. М. Кузнецова приходит на основании вышеизложенных фактов к выводу, что находки зеркал указывают на священные пути греков, то нам больше по вкусу точка зрения Д. А. Мачинского, считающего, что это общие священные пути и греков, и тех гипербореев, что приносили дары в святилище Аполлона на острове Делос (Мачинский 1998: 86), и, надо полагать, многих других народов, как родственных, так и весьма далеких друг от друга в плане этнокультурной общности.

Правда, по мнению Д. А. Мачинского, скифы стали как раз причиной нарушения нормального функционирования этих путей и прекращения «девичьих посольств» на Делос (Мачинский 1998: 86). Но этому противоречат как изложенные выше факты, так и упомянутое им самим свидетельство Павсания о том, что именно скифы доставляли дары гипербореев в Синопу, а далее их несли эллины (Мачинский 1998: 86). Кроме того, и сами скифы посылали дары в святилища чужеземных богов, как о том свидетельствует находка в числе votивных даров из святилища Геры на острове Самос и так называемых скифских зеркал «с петлей на обороте»

(Мачинский 1998: 90), более ранних, чем зеркала с боковой ручкой (Медведская 1992: 87).

Звериный стиль – не единственный компонент триады, соотносимый с глобальными культурными процессами. Одним из подобных компонентов выступает и такой типичный признак раннескифской культуры, как стремечковидные удила. Одновременно с ними в Европе распространяется так называемый среднеевропейский тип удила, для которого также характерно оформление концов в виде стремени, но повернутого широкой стороной внутрь (Иессен 1953: 90; Мелюкова 1964: 78; Chochorowski 1993: 49). Представляется, что это только разные вариации одной и той же модели, вариации самостоятельные и обусловленные оригинальной интерпретацией общей идеи.

Далее, крестовидные бляхи, в отечественной историографии называемые бляхами новочеркасского типа, как и синхронные им бубенчики-привески к конской узде, распространяются от Северного Китая до Португалии, причем наибольшая концентрация и блях и бубенчиков наблюдается на Балканах, в памятниках иллирийского гальштата (Chochorowski 1993: 87-88).

Если же говорить о псалиях, то нужно начать с точки зрения Н. Л. Членовой, продолжающей в этом вопросе идеи А. А. Иессена (Иессен 1953: 90) и И. В. Яценко (Яценко 1959: 40), о том, что псалии аржано-черногоровского типа (как и восьмерковидные бляхи) распространяются не с востока на запад, как обычно считают, а с запада на восток (Членова 1997: 39). Эта гипотеза весьма привлекательна, однако в той системе аргументации, которую использует Наталья Львовна, все упирается в датировку Аржана. Судя же по всему, этот вопрос лучше пока считать открытым (см.: Членова 1997).

Но, по данным Я. Хохоровского, псалии собственно черногоровского типа представлены в Центральной Европе всего тремя экземплярами, основную же массу составляют производные от этого типа местные вариации (Chochorowski 1993: 55). Это не позволяет согласиться с Н. Л. Членовой в вопросе происхождения данного типа псалий. С другой стороны, псалии типа Камышеваха представлены в Центральной Европе весьма широко, а в Восточной просто редки (Chochorowski 1993: 59-60). Самую же многочисленную группу псалиев в памятниках «фрако-киммерийского» круга составляют разнообразные варианты типа Дунакомлод, который в Восточной Европе не встречается вовсе (Chochorowski 1993: 61).

То есть, даже если считать, что псалии аржано-черногоровского типа послужили исходным прототипом для среднеевропейских типов псалиев, что не так уж бесспорно, то мы имеем опять-таки картину оригинальной и самостоятельной трактовки в каждом регионе некой общей идеи, а не перемещения в пространстве готовых типов.

Кроме того, если посмотреть на собственно европейские типы псалиев, так называемые «греко-италийские луковидные», то они также очень похожи на предскифские и раннескифские типы евразийских степей и формой, и завершением концов в виде шишечек, а простота и лаконичность манеры, в которой выполнены, к примеру, псалии типа Болонья, могут поспорить с аржано-черногоровскими (Chochorowski 1993: 142-144). Можно даже говорить о некотором предвосхищении и опережении европейскими типами той тенденции, которая приведет в степях к появлению скифских видов псалиев; это проявляется и в форме псалиев, и в том, что в комплексе из Штильфрида среди вещей предскифских типов появляются уникальные зооморфные псалии, завершения которых оформлены в виде лошадиных голов (Chochorowski 1993: 57, рис. 2: 12).

На фоне изложенного становится ясным истинное место такого события, как распространение триады, и идея завоевания скифами лесостепи как причины этого явления все более теряет свою привлекательность.

Но, пожалуй, решающим доводом должно послужить то, что скифские антропоморфные изображения, которые сегодня признаются одним из важнейших признаков скифской культуры, этнокультурным индикатором, не уступающим по значимости скифской триаде (Белозор 1991: 171), распространяются только в степной части Северного Причерноморья (Белозор 1991: 171; Петренко 1986: 176).

Насколько они отражают хотя бы единство культуры степи, сказать трудно. Ряд исследователей считает, что и в степи они не едины, распадаясь на локальные варианты (Шульц 1976; Ольховский 1990: 101) и наводя на мысль о том, что это тоже не признак культуры одного этноса, а скорее отражение процессов военизации евразийских обществ в это время и формирования у них культа военных вождей. Отсутствие стандарта в изготовлении этих изваяний у жителей Северного Причерноморья, по мнению П. Н. Шульца, настолько велико, что «нет ни одного изваяния, которое бы повторяло другое» (Шульц 1976: 224), и что «изваяний канонического облика Скифия не создала» (Шульц 1976: 229), но можно говорить только о существовании общей тенденции развития от фаллических изображений к портретным; в ранних чувствуется влияние переднеазиатской скульптуры (Шульц 1976: 227-229).

Тем не менее, П. Н. Шульц выделяет восемь локальных групп скифских антропоморфных изваяний (Шульц 1976: 224), что, разумеется, не особенно согласуется с идеей единства скифской культуры.

Однако, с другой стороны, В. Г. Петренко категорически отрицает существование локальных вариантов скифских изваяний и видит чрезвычайно высокую степень стандартизации в

изготовлении этих вещей, существование единого канона на всем протяжении северо-причерноморских степей «от Дуная до Предкавказья» (Петренко 1986: 172).

Наличие столь диаметрально противоположных точек зрения не позволяет решить вопрос простым предпочтением одной из них. Но в наши цели и не входит попытка его решения в рамках данной работы, поскольку разногласия в данном вопросе несколько не влияют на принципиальную значимость уже отмеченного вывода исследователей об отсутствии скифских каменных изваяний на территории культур украинской лесостепи.

Итак, анализ тех категорий материальной культуры, «которые, собственно, и определяют облик скифской культуры», приводит к мысли о том, что они определяют вовсе не облик этой культуры, а ситуацию конвергентного развития разных культур.

Это конвергентное развитие обусловлено, в понятиях синергетики, принадлежностью этих культур к полю притяжения одного суператтрактора – глобального изменения идеологии в масштабе Евразии и существования с весьма ранних времен информационного единства Евразии – своеобразной нервной системы, чутко реагирующей даже на незначительные периферийные раздражения, которые в соответствии с закономерностями существования самоорганизующихся (нелинейных или неравновесных, как говорят физики) систем могут привести к полному перерождению всей системы (подробнее о синергетической теории культурогенеза см.: Ткачук 1996).

Происходит распространение идей, а не вещей, и масштабные, массовые перемещения людей здесь вовсе не обязательны.

Категории, объединяемые в рамках раннескифской культуры, являются надкультурными, а иногда и разнокультурными феноменами и не составляют даже относительно единого целого. Отсутствие же в лесостепи одних категорий «раннескифской культуры», а в степи — других не только разрушает само это понятие, но и отрицает истинность постулата о завоеваниями скифами лесостепи.

Культура, или, вернее, культуры лесостепи оказываются в раннескифское время независимым миром, внешним по отношению к миру степей. Во всяком случае, если исходить из анализа подчеркнутых В. Ю. Мурзиным категорий.

Но у нас остался еще один кит раннескифской культуры – погребальный обряд. Он традиционно считается основным этно- и культуроопределяющим признаком, и к надкультурным явлениям его отнести трудно. Тем не менее, изменения в погребальном обряде, произошедшие в лесостепи с началом скифского времени, имеют некоторые особенности, которые коррелируют с надкультурным характером скифской триады и также выбиваются за пределы традиционной

модели архаической Скифии, противореча концепции завоевания скифами лесостепи.

Прежде всего, даже в пограничных со степью районах новые формы погребального обряда внедрялись достаточно медленно на протяжении всего жаботинского этапа раннескифской культуры (Ильинская, Тереножкин 1983: 230). Но и в старшежуровское время, когда процесс резко ускорился, сохраняется высокий удельный вес обряда кремации – доскифской, чернолесской традиции, а в более северных областях лесостепи он остается доминирующим (Ильинская, Тереножкин 1983: 256; Петренко 1967: 58). Нужно отметить и значительное количество реминисценций кремации в новых типах погребального обряда – как полное или частичное сожжение погребальной конструкции, очищение погребальной камеры огнем, использование углей при захоронении, огненная тризна. Эта ситуация сохраняется до конца скифской архаики (Ильинская, Тереножкин 1983: 256). Сохраняется и традиция грунтовых могильников, особенно в более северных группах (Петренко 1967: 57; Ильинская, Тереножкин 1983: 276).

Такая характеристика процесса внедрения новых типов погребального обряда показывает относительность, постепенность и неполноту «скифизации» культуры приднепровской лесостепи на фоне массового сохранения прежних традиций.

Но и сами эти новые типы погребального обряда отличаются большим разнообразием. Это разнообразие позволило М. И. Артамонову положить в основу этногеографического разделения Скифии именно погребальный обряд и сооружения (Артамонов 1949: 127-179). Действительно, отличия между выделяющимися сегодня отдельными скифскими группами по этому показателю весьма заметны. Можно даже сказать, что различий больше, чем сходства. Однако полученные локальные группы представляют только один уровень этого разнообразия. Критикуя выдвинутую М. И. Артамоновым концепцию этногеографии Скифии, Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова писали, что «на Киевщине и в северной части Кировоградской области нередко в одно и то же время, в одной и той же курганной группе наблюдается весьма значительная пестрота погребального обряда. Ненамного однообразнее ситуация на Ворскле и Среднем Дону» (Граков, Мелюкова 1954: 61).

В памятниках тясминской группы «погребальный обряд на протяжении всего скифского времени остается очень разнообразным, малоустойчивым и плохо поддается обобщению. От предыдущего времени сохраняется обычай сожжения погребального сооружения. Также на протяжении всего скифского времени продолжают бытовать скорченные погребения. Ориентация погребенных весьма разнообразна и неустойчива» (Ильинская, Тереножкин 1983: 256-

257). В близких выражениях В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин характеризуют погребальный обряд практически всех локальных групп украинской лесостепи, за исключением Посулья, которое характеризуется как раз высокой стойкостью и единством погребального обряда и отсутствием в ранней фазе кремации и ее деривата – сожжения погребальной конструкции (Ильинская, Тереножкин 1983: 314). Впрочем, эта группа возникает только в старшежуровское время и вообще является «наиболее скифской» (Ильинская, Тереножкин 1983: 330). Но выделять на ее основе типично скифский погребальный обряд вряд ли корректно, она стоит наособицу и даже от курганов Предкавказья – «первоначального центра Скифии» (Петренко 1983) – отличается очень сильно и отсутствием пережитков кремации, и отсутствием таких важных «скифских» черт, как погребения коней и «слуг»; ориентация погребенных в ней устойчиво южная, что весьма нетипично для других территорий Северного Причерноморья (Ильинская, Тереножкин 1983: 314).

Попутно заметим, что и в тясминской группе погребения коней появляются не ранее младшежуровского времени (Ильинская, Тереножкин 1983: 257), то есть уже после того, как архаическая Скифия прекращает существование (Алексеев 1998: 118, 125).

Неунифицированность погребального обряда – как раз того элемента культуры, который традиционно выступает ее унифицирующим, структурирующим началом, – весьма показательна. Чем объясняется «разброд и шатание» в обычно столь четко регламентированной и монолитной сфере жизни, сказать трудно, и это вопрос отдельный. Но в этой пестроте расплываются черты предполагаемого скифского этноса, подчиняющего и скифизующего лесостепь.

Тем более, что и в степи погребальный обряд архаического времени «достаточно сложен» и можно выделить не менее семи типов погребальных конструкций, «которые отличаются размерами, устройством, использованными материалами; для погребального обряда присущи разнообразная ориентировка, поза погребенного (скорченная, вытянутая, ничком), использование как курганного, так и бескурганного способа погребения» (Мурзин 1984: 56). Тема же диссертации В. С. Ольховского именно и сформулирована как «погребальные обряды населения степной Скифии» (Ольховский 1978).

Так что степь вряд ли можно рассматривать как генератор единого, хотя бы относительно, скифского погребального обряда, заимствованного затем лесостепью. Нельзя сказать и так, что именно степь стала источником упомянутой «вавилонской» пестроты погребального обряда лесостепи, поскольку эта пестрота для лесостепи – наследие еще предскифского времени (Клочко, Скорый 1993: 54).

Более вероятен процесс обратного влияния,

проявившегося в появлении в степи огненного ритуала и деревянных гробниц (Мурзин 1984: 55).

Такова ситуация в степи. Если же вернуться к лесостепным памятникам и, в частности курганам Предкавказья – «центра архаической Скифии», то здесь уместно будет вспомнить о дискуссии вокруг Ставропольских курганов, Красное Знамя, Обильное, Новозаведенное и ряда других, вопрос об этнокультурной принадлежности которых В.И. Козенкова предлагает считать открытым, отмечая их сложный характер, но сама склоняется к мысли об отнесении этих памятников к кобанской культуре (Козенкова 1989: 16). Я не собираюсь выступать арбитром в этом споре. Но погребальный обряд скифских памятников Предкавказья столь же неупорядочен, как и в степи. Можно выделить не менее восьми типов погребального обряда (Махортых 1991: 20-23), ориентация погребенных неустойчива (Махортых 1991: 38).

Попутно заметим, что, по словам одного из оппонентов В. И. Козенковой, «керамика в скифских могильниках Предкавказья не скифская» (Махортых 1991: 19).

Ряд исследователей, и в частности Б. Н. Граков, отрицали и скифскую принадлежность курганов Прикубанья, таких как Келермесский, Костромской, Ульский (Мелюкова, Яценко 1990: 11-12). Все эти памятники сегодня считаются эталонными для раннескифской культуры и играют важную роль в обосновании гипотезы «первоначальной Скифии» на Кавказе (Петренко 1983: 43-58; Петренко 1990: 75; Махортых 1991: 18), так что сомнение в их скифской принадлежности – факт чрезвычайно занимательный.

Весьма примечательно и мнение А. И. Мелюковой и И. В. Яценко о том, что северокавказские памятники, относящиеся ко времени после переднеазиатских походов скифов, «несут в себе много смешанных черт, которые не позволяют выделить собственно скифские погребения» (Мелюкова, Яценко 1990: 13). А. Д. С. Раевский пишет, что «разграничение на Северном Кавказе памятников раннескифского и местного населения в значительной мере условно и приблизительно», объясняя, правда, это тем, что «в это время сама раннескифская культура имеет неустойчивый характер, в том числе и в погребальном обряде» (Раевский 1995: 92). Неясно, правда, насколько условно и приблизительно. И когда раннескифскую культуру можно назвать устоявшейся.

Такая характеристика ситуации с погребальным обрядом хорошо согласуется с выводами о надкультурности скифской триады и иллюзорном характере ее единства, фактической аннигиляции понятия раннескифской культуры даже для Северного Причерноморья. Погребальный обряд тоже не объединяет Северное Причерноморье в единую культуру, более того, перед нами встает проблема выбора – какой тип (или типы) погребального обряда, собственно, при-

надлежит скифам.

Даже ингумацию и подкурганый обряд погребения как таковые невозможно считать скифским нововведением для лесостепи. По данным С. А. Скорого и В. И. Клочко, в чернолесское время погребальный обряд населения лесостепи был очень сложен, и кремация вовсе не являлась безусловно доминирующей. В Поросье преобладала ингумация в вытянутом на спине положении (с неустойчивой ориентацией) под курганными насыпями, в бассейне Тясмина наблюдается равное соотношение кремации и ингумации. Заметим, что все это более северные, удаленные от степи районы, а для более близкого к степи киевского региона характерна как раз только кремация с последующим захоронением в урнах. В Поднестровье безусловно преобладала ингумация в скорченном положении под курганами, а на левом берегу Днепра, в междуречье Орели и Самары, тоже преобладала ингумация, но положение и ориентация погребенных были неустойчивы (Клочко, Скорогий 1993: 54-65).

Как видим, логичнее считать ситуацию с погребальным обрядом скифского времени результатом развития чернолесских традиций, а не завоевания скифами лесостепи.

Кроме того, стоит упомянуть, что в конце эпохи бронзы — начале железного века переход от кремации к ингумации, а зачастую и подкурганному обряду захоронения происходит практически повсеместно на территории от Центральной Азии до Пиренеев (см. Монгайт 1974; Итина, Вишневская 1971). И не всегда есть возможность объяснить эти перемены деятельностью скифов.

Но остается еще одна категория материальной культуры Северного Причерноморья в скифское время, которая не связывается с инвазией скифов, но является весьма яркой чертой архаической Скифии, и она-то как раз объединяет Северное Причерноморье. Речь идет о лощеной керамике, которая «почти тождественна и на Кубани, и в Приднепровье, особенно в грунтовых могильниках и на поселениях» (Граков, Мелюкова 1954: 91).

Такая несогласованность тенденций развития разных категорий материальной культуры весьма любопытна и сама по себе является проблемой. Тем более что керамика является весьма значимой категорией. Уже упомянутый А. М. Лесков считал керамику основной вещевой категорией для решения задач этнокультурной преемственности и идентификации (Лесков 1971: 90). Она изготавливается для себя и не обладает летучестью элементов триады. К тому же лощеная керамика, видимо, имела ритуальное значение. Поэтому ее общность традиционно считается показателем культурного единства оставившего ее населения.

Однако, обратившись к керамике, мы замечаем то, что заметил еще А. А. Спицын (Спи-

цын 1918: 101), а с тех пор это замечали не раз – сильное западное, гальштатское влияние на культуру северопричерноморской лесостепи в скифское время.

Причем речь идет о неоднократных, разновременных и разнородных импульсах. Но в отличие от степного фактора, которому придавалось первостепенное значение в рождении Скифии, эти западные импульсы оставались на уровне констатации факта и в интерпретации феномена архаической Скифии практически не учитывались. Такой подход вряд ли оправдан, делая наше видение ситуации неполноценным. Оценить значение восточных импульсов можно только вместе с западными и на одних весах.

О каких же западных импульсах идет речь?

Прежде всего нужно отметить явление так называемого «жаботинского орнаментального взрыва» – невиданного расцвета керамического производства и орнаментации в северопричерноморской лесостепи в раннескифское время (сравните – ранне- и позднежаботинские наконечники скифских стрел (Иллиньска 1973: 13-26)). В историографии общепринято видеть в нем результат Басарабь-Шолданештского культурного влияния (Мелюкова 1979: 73, 82; Бруйко 1996: 280-285). Причем любопытно, что такая керамическая форма, как вазы-миски на полом коническом поддоне, характерна именно для западного, олтенского варианта культуры Басарабь (Смирнова 1985: 60).

Но басарабьское влияние не исчерпывалось керамикой, оно проявилось также в появлении в украинской лесостепи глинобитных площадок, орнаментированных меандром, спиралью и «бегущей волной» — специфическим басарабьским орнаментом (Ильинская, Тереножкин 1983: 260; Мелюкова 1979: 85; Vulpe 1986: Anp. 224), известных под названием раннескифских жертвенников жаботинского типа (Покровская 1962). По данным Предрага Медовича, жертвенники подобного типа характерны для культуры Басарабь, и, в частности, несколько близких аналогий жаботинским присутствуют на басарабьском поселении Феудвар в среднем Подунавье (Воеводина), но вообще они «распространены от Украины до Сирмия» (Hansel, Medovic 1991: 148-149; Taf.50). Эти жертвенники проникают и на левый берег Днепра, в ворсклинскую группу (Ильинская, Тереножкин 1983: 346).

Ворсклинская группа вообще выделяется в отношении отчетливости в ней басарабьского влияния, что, видимо, должно расцениваться как его консервация в силу каких-то причин. Керамика этой группы отличается очень широким применением сложной геометрической композиции и инкрустации белой пастой. Кроме этого, одну из особенностей этой группы составляют черпаки с раздвоенным выступом на ручке – «рожками» (Ильинская, Тереножкин 1983: 346). В других локальных культурных группах украинской лесостепи тоже с началом скифского вре-

мени появляются (причем, по мнению исследователей, распространение идет с запада на восток) черпаки с одинарным, правда, выступом или «рожком» на ручке (Мелюкова 1964: 77).

Но «рожки» – реализация чрезвычайно интенсивной гальштатской традиции, они присутствуют в большинстве культур гальштатского круга на самых разных типах керамики и отражают культ козла – символа Диониса, «фракийского», как известно, по происхождению бога. Особенно они характерны для иллирийского гальштата (Crişan 1969: 54), где нередки даже комбинации из трех рожек (Terzan 1990). Интересно, что на территории Западного Бельского городища, расположенного на территории ворсклинской группы, найден также бронзовый котел с ручками, моделированными в виде голов козла (Ильинская, Тереножкин 1983: 346).

Как видим, речь должна идти о весьма широком идеологическом, религиозном воздействии и, главное, высокой восприимчивости к нему населения северопричерноморской лесостепи. Инновацией жаботинского времени становится и распространение в лесостепи жилищ каркасно-глинобитного типа, происхождение которых А. И. Мелюкова связывает с фракийским миром (Мелюкова 1979: 85). Они характерны даже для посульской группы, «самой скифской из всех», правда, соседствуя с каркасно-глинобитными же, но юртообразными в плане жилищами (Ильинская, Тереножкин 1983: 331).

О том, что в это время западные влияния достигали также Кубани и Предкавказья, свидетельствует появление и там с началом скифского времени черпаков с «рожком» на ручке (Анфимов 1971: 172). О гальштатском характере этой традиции уже говорилось, она признана и в отечественной историографии (Мелюкова 1964: 77; Мелюкова 1979: 80).

В керамике кобанской культуры на рубеже VII-VI веков до н. э. тоже происходят значительные перемены, суть которых в том, что «типичными формами керамического комплекса становятся сосуды зеркального лощения со сложным геометрическим орнаментом, затертым белой пастой» (Козенкова 1989: 18). В этих же словах можно выразить и характеристику басарабьского керамического феномена (Мелюкова 1979: 80).

Степные памятники, бедные керамикой, тем не менее тоже отражают восприятие гальштатского влияния, пусть даже в опосредованной форме, из лесостепи. В кургане у г. Днепрорудного присутствует миска-ваза на коническом поддоне – подражание лесостепному типу (Мурзин 1984: 33). Этот тип, вероятно, имел ритуальное значение, поскольку он есть и в посульской группе, не очень восприимчивой к западным влияниям в керамике, и это единственная категория посуды, для которой в Посулье применялось лощение (Ильинская, Тереножкин

1983: 332).

Закат Басараби не означал прекращения гальштатских импульсов для Северного Причерноморья.

Г. И. Смирнова, изучая керамический комплекс Немировского городища, пришла к выводу о последовательном влиянии на него сначала Басараби, а затем группы Фериджеле-Бырсешть (Смирнова 1996: 196). Сильное влияние Фериджеле ощущается и в памятниках западноподольской группы (Crişan 1969: 53-54; Смирнова 1993: 112), а среднегальштатский горизонт городища Глинжены 2 (Р. Молдова, северная зона), по мнению авторов раскопок, «можно отнести как к группе Фериджеле, так и западноподольской группе раннескифской культуры» (Гольцева, Кашуба 1994: 166).

Здесь мы сталкиваемся с любопытной проблемой так называемой иллирийской экспансии, достигавшей долины Сирета и северо-востока Болгарии. Результатом ее стало появление на территории современной Румынии памятников типа Фериджеле-Бырсешть, Балта-Верде и Гогошу (Vulpe 1967; Crişan 1969: 54). Кроме того, по мнению З. Марича, культура Сентеш-Векерзуг, в генезисе которой большое значение отводится скифскому или северопричерноморскому фактору (Хохоровски 1991: 153-156), также испытывала чрезвычайно сильное влияние, выраженное в погребальном обряде, керамике и металлических изделиях, со стороны одной из культурных групп иллирийского гальштата – Дольны-Долины (Magis 1964: 42).

Но все это, так сказать, ближе зарубежье для носителей культур иллирийского круга. Однако их влияние ощущалось и в дальнейшем, в частности, достигая во второй половине VII-VI вв. до н. э. Ольвии и Березани. Из пяти типов лепной столовой керамики на этих поселениях, выделенных К. К. Марченко, первый распространен от Балкан до Кавказа, а остальные четыре связываются им с группами Фериджеле-Бырсешть, Балта-Верде и Гогошу; в кухонной лепной керамике 40% составляют бочонковидные горшки и 35% — баночные, тоже являющиеся гальштатскими формами (Марченко 1976: 157-166).

Вообще же в украинской лесостепи в старшежуровское время появляются и становятся ведущими формами керамики корчаги типа Вилланова, иногда с сосковидными налестками на корпусе, миски с загнутым внутрь краем и бочонковидные горшки (Ильинская, Тереножкин 1983: 236) – все западные, гальштатские по происхождению типы (Мелюкова 1979: 81). Генезис восточноподольской, или побужской локальной группы культуры лесостепи связывается Ю. В. Бойко с переселением в середине – второй половине VII в. до н. э. на территорию Побужья носителей культуры Гава (точнее будет говорить о постгавских культурных элементах: Хохоровски 1996: 210), влияние которых остается доминирующим на протяжении всего раннескифского времени (Бойко 1994: 187-188).

Особенно любопытна отмеченная им аналогия сюжетной росписи на сосуде местного изготовления в виде головок фаллических человечков (поселение Вишенка-2) росписи на сосуде из могильника календербергской культуры Дунайска Лужна, к.1, которая опять-таки указывает на связь с Иллирией (Бойко 1994: 188).

Список гальштатских керамических инноваций можно пополнить, но сути дела это не изменит.

Впрочем, западные импульсы в это время не ограничиваются гальштатским кругом культур. По мнению С. Е. Светличной, в конце VII – начале VI вв. до н. э. происходит переселение довольно значительной группы населения из области лужицко-высоцкой культуры, приведшее к появлению в Поднепровье вплоть до левобережья Днепра новых форм керамики, в частности, тюльпановидных и бочонковидных горшков, ритуальных блюдец, антропоморфной и зооморфной пластики, а также украшений (Светличная 1996: 153-161).

Затронув вопрос об украшениях, нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что подавляющее большинство украшений лесостепной Скифии являются вариациями гальштатских и лужицких типов, причем также можно выделить несколько волн их распространения (Петренко 1978).

Традиционное объяснение этого феномена влиянием некоего гипотетического очага металлургии в Иллирии (заметим, опять Иллирии) (Петренко 1978: 66), вряд ли приемлемо, тем более что не раскрывает причин и механизма этого влияния. Гипотеза же В. Е. Еременко об угоне скифами мастеров как причине данного явления (Еременко 1997: 53) чрезмерно упрощает ситуацию и не учитывает как вышеизложенного, так и того, что гальштатские типы украшений присутствуют также в милоградской, подгорцевской, среднеокской и юхновской культурах (Петренко 1978: 69), а распространение скифских типов ослабевает к северу уже в пределах скифской культуры (Ильинская, Тереножкин 1983: 276). Однако в украшениях гальштатского происхождения, наоборот, проявляется поразительное единство – «от Западной Подольи до Северского Донца распространяются единые типы булавок, серег, гривен и браслетов» (Петренко 1978: 66).

Это единство украшений и керамики лесостепи – элементов, отражающих западное влияние, составляет разительный контраст с триадой и погребальным обрядом.

Западное влияние выражено и в распространении в украинской лесостепи такого элемента триады, как кинжалы семиградского типа, центром производства которых была Трансильвания (Граков, Мелюкова 1954: 78; Sulimirski 1936: tab.9 1,2). Также одним из крупных цент-

ров производства была Трансильвания и для так называемых зеркал «ольвийского типа» (Ольговский 1992: 14-21).

Западные параллели прослеживает С. С. Бессонова для такого уникального памятника раннескифской культуры (храма-мавзолея, по ее мнению), как курган Перепятыха. Причем эти параллели наблюдаются не только в инвентаре, среди которого присутствует двулезвийная секира-лабрис, распространенная от Этрурии до Карпат, а также четырехгранный наконечник копья и нож, имеющие сходный ареал распространения, но особенно характерные для иллирийского мира. Однако, помимо этого, и в погребальном обряде и конструкции этого сооружения вообще самой ближайшей аналогией Перепятыха оказывается к.1 иллирийского могильника Ромая (Бессонова 1994: 168-171).

Итак, западные импульсы в культуре Северного Причерноморья в скифское время весьма ощутимы, и в формировании культурной ситуации в регионе были не менее, если не более важны, чем степные, при том, что они выражаются в наиболее значимой сфере культуры.

Но остается вопрос о конкретных механизмах этих импульсов, их природе и получившемся результате, чтобы не произошло простой смены приоритетов с восточного на западный в оценке феномена архаической Скифии, и вместо тезиса о волнах кочевников с востока, завоевывающих Северное Причерноморье, возник тезис о волнах иллирийских нашествий с запада. Нуждается в прояснении и роль иллирийского и протоиллирийского культурного массива как перманентного генератора импульсов для Северного Причерноморья, и отношение к этому античной цивилизации. Ясно только, что феномен архаической Скифии гораздо сложнее и не может быть сведен к идее организующего внешнего влияния – западного или восточного. По всей видимости, должна быть пересмотрена и концепция завоевания скифами лесостепи.

Нужно добавить, что по данным палеогеографии местность в ареале распространения раннескифских памятников «сохраняла степной характер долгое время спустя после запустения черноморского городища» (Тереножкин 1961: 14), то есть возможно, что «культура лесостепи» существовала на самом деле в степи

(к сожалению, более свежие результаты палеоботанического анализа остались для меня недоступны). В этой связи стоит отметить, что в жаботинское время происходит переход от обитания в укрепленных черноморских городищах к жизни в селищах открытого типа (Ильинская, Тереножкин 1983: 236). Согласно концепции Я. Хохоровского, выработанной на основе анализа культуры Гава, такой переход совпадает с периодом расцвета культуры и ее экспансии, а интенсивная фортификационная деятельность свидетельствует как раз о кризисе и боязни внешней опасности (Хохоровски 1996: 211-221).

Так что в начале раннескифского времени население лесостепи, похоже, не подозревало о скифской экспансии из степи, и именно оно было доминирующей силой в Северном Причерноморье.

С этим согласуется и то, что варварская керамика Березани и хоры Ольвии с момента возникновения этих поселений и до конца VI в. до н. э. представлена «лесостепными и фракийскими типами» (Марченко 1974: 153, 154). Ранее же в степи появляются погребения, основным диагностирующим признаком которых выступает жаботинская керамика (Мурзин 1984: 11). И только в старшежуровское время лесостепь оцетинивается мощными укреплениями против степи (Ильинская, Тереножкин 1983: 260), свидетельствуя о начале кризиса, который достиг максимума к концу VI в. до н. э. и привел к угасанию архаической Скифии – после «смутного времени» происходит переход к классической, геродотовой Скифии (Алексеев 1996: 9; Алексеев 1998: 125). Будет ли для нас удивительным, что одновременно исчезает иощенная керамика (Граков 1954: 80).

Все это только предварительные наброски к решению затронутых проблем, попытка обратиться на них внимание и приглашение к дискуссии. Возможно, приведенные оценки культурной ситуации в Северном Причерноморье в раннескифское время не всех удовлетворят, покажутся недостаточно взвешенными – оставляю это на усмотрение читателей. В заключение же хочу привести слова А. А. Спицына о том, что «скифы и сарматы – совершенно разные народы, и кто такие скифы, мы еще не знаем» (Спицын 1911: 156). Кажется, они еще не утратили своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю. 1996. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н. э. (автореферат дисс.... доктора ист. наук). СПб.
- Алексеев А. Ю. 1998. Периодизация истории Европейской Скифии: традиция и современное состояние. // Проблемы археологии. Вып. 4 СПб.
- Анфимов 1971. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами СП. // ПСА М. С. 170-177.
- Артамонов М. И. 1949. Этногеография Скифии. Л.
- Артамонов М.И. 1971. Скифо-сибирское искусство звериного стиля. // Проблемы скифской археологии. М.
- Баркова Л. Л. 1987. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая. // АСГЭ. Вып. 28. С. 5-29
- Белозор В. П. 1991. Скифская триада и каменные изваяния (проблема этнокультурной атрибуции). // Древнейшие ... (мат. конф.,1). Киев. С. 170-172
- Бессонова С. С. 1994. К вопросу об этнокультурной

- специфике кургана Перепахта. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов СП (5 тыс. до н. э. – 5 века н. э.) (мат. конф., 2) Тирасполь. С. 168-171
- Бойко Ю. Н. 1994. К вопросу о формировании восточноподольской (побужской) группы памятников предскифского и раннескифского времени. // Древнейшие ... С. 187-188
- Бруяко И. 1996. Финал горизонта «штампованной» керамики раннего железного века в украинской лесостепи. // ЗБГ... Полтава. С. 280-285
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. // СА №1. С. 145-155
- Галанина Л. К. 1994 К проблеме хронологии Келермесских курганов. // РА №1. С. 92-108
- Гернес М. 1914. Культура доисторического прошлого. Т.3
- Геродот 1971. История. Л.
- Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. 1994. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжы 2. // Древнейшие ... (мат. конф., 2)
- Граков Б.Н.1954. Каменское городище на Днепре. М.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И. 1954. Об этнических и культурных различиях в степной и лесостепной областях европейской части СССР в скифское время. // ВССА М.
- Грязнов М. П. 1966. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. // КСИА. Вып.108. С. 31-34
- Дубовская О. Р. 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА № 1.С. 63-69
- Еременко В. Е. 1997. Относительная и абсолютная хронология европейской Скифии: взгляд со стороны. // STRATUM + ПАВ. СПб.-Кишинев. С. 44-61
- Иессен А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасская клад 1939 г.). //СА. Вып. 18.С. 49-111
- Иллиньска В. А. 1973. Бронзови наконечники стрел так званого жаботинського и новочеркаського типів. // Археологія. Вып.12. С. 13-26
- Ильинская В. А. 1976. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. // Скифо-сибирский звериный стиль. М. С. 9-30
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. Скифия VII-IV вв. до н. э. Киев.
- Итина М. А., Вишневская О. А. 1971. Ранние саки Приаралья. // ПСА, М. С. 177-203
- Канторович А. Р. 1998. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии. // ВДИ №3. С. 146-167
- Кисель В. А. 1997. Священная секира скифов. СПб.
- Клейн Л. С. 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры. // Статистические и комбинаторные методы в археологии. М.
- Клочко В. И. 1979. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII-VII вв. до н. э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Клочко В. И., Скорый С. А. 1991. К исследованию позднеронесского погребального обряда. // СА. № 4: 54-65
- Козенкова В. И. 1989. Кобанская культура. Западный вариант. //САИ В2 – 5 М.
- Кузнецова Т. М. 1990. Торговые или священные пути греков? // ПССА. С. 82-98
- Лесков А. М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. // Проблемы скифской археологии. М.
- Мансфельд Г. 1992. Опыт периодизации скифских древностей. //СА №3: 108-113
- Марченко К. К. 1974. Фракийцы на территории нижнего Побужья во второй половине VII – I вв. до н. э. // ВДИ №2
- Марченко К. К. 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII – VI века до н.э. (по материалам раскопок 1953-1970 гг.). // Художественная культура и археология античного мира. М. С. 157-166
- Махортых С. В. 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев
- Махортых С. В. 1994. О начальном периоде киммерийской истории. // Древнейшие ... (мат. конф., 2) С. 148-150
- Мачинский Д. А. 1998. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV — середине I тыс. до н. э. // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. С. 73-94
- Медведская И. Н. 1983. Хронологические параллели между вазописью геометрического стиля Греции и росписью керамики Сиалка В. // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л.
- Медведская И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток. // СА №3: 86-108
- Мелюкова А. И. 1964. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. // МИА №64. С. 5-143
- Мелюкова А. И. 1979. Скифия и фракийский мир М.
- Мелюкова А. И., Яценко И. В. 1990. Б. Н. Граков и некоторые проблемы современного скифоведения (к 90-летию со дня рождения). // ПССА М.
- Монгайт А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.
- Москалу Е. 1991. Некоторые аспекты скифской проблемы в Северной и Южной Фракии в VI-V вв. до н. э. // Древнейшие ... (мат. конф., 1) С. 161-163
- Мурзин В. Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
- Мурзин В. Ю., Скорый С. А. 1994. Современное состояние киммерийской проблемы (историко-археологический аспект). // Древнейшие ... (мат. конф., 2). С. 145-146
- Ольговский С. Я. 1992. Походження дзеркал «ольвійського» типу. // Археологія. Вып. 3. С. 14-21
- Ольховский В. С. 1978. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII-IV вв. до н. э.). (Автореферат дисс... канд. и. н.) М.
- Ольховский В. С. 1990. Скифские изваяния Крыма. // ПССА М. С. 98-116
- Переводчикова Е. 1979. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля. // Проблемы истории античности и средних веков. М.
- Петренко В. Г. 1967. Правобережье Среднего Поднестровья в V-III вв. до н. э. // САИ Д1-4 М.
- Петренко В. Г. 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // САИ Д4-5 М.
- Петренко В. Г. 1983. Скифская культура на Северном Кавказе. // АСГЭ Вып.23
- Петренко В. Г. 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний. // Новое в археологии Северного Кавказа. М. С. 158-177
- Петренко В. Г. 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. // ПССА С. 60-82
- Погрехова М. Н., Раевский Д. С. 1992. Ранние скифы и Древний Восток М.
- Погрехова М. Н. 1993 О принципах датировки скифской архаики. //РА №2: 84-89

- Покровская Е. Ф. 1962. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. // КСИА АН УССР вып.12
- Политович Ю. Б. 1994. К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья. // Древнейшие ... (мат. конф., 2) С. 189-191
- Раевский Д. С. 1995. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип. // ВДИ №4. С. 87-96
- Савинов Д. Г. 1998. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М. И. Артамонова). // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.
- Светличная С. Е. 1996. О связях населения Бельского городища и Днепроовского левобережья с лужицко-высоцкими племенами. // Західне Більске городище в контексті вічнення пам'яток раннього злизного віку Європи. Полтава: 153-161
- Скорий С. А. 1991. Допитання про культурну належність старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія №1. С. 14-26
- Скорый С. А. 1991. К вопросу о «надкультурном характере» древностей типа Новочеркасскогоклада. // Древнейшие ... (1). С. 160-161
- Скорый С. А. 1994. О причинах проникновения киммерийцев в украинскую лесостепь. // Древнейшие ... (2). С. 150-152
- Скорий С. А. 1996. Кочовики предскифской та скифской доби в Днипровському правобережному листепу (питання етнокультурної історії) Київ.
- Смирнова Г. И. 1985. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. // АСГЭ № 25. С. 43-64
- Смирнова Г. И. 1993. Памятники среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. // РА №2: 101-118
- Смирнова Г. И. 1996. Проблемы изучения Немировского городища. // ЗБГ... С. 190-201
- Спицын А. А. 1911. Скифы и Гальштатт. // Сборник в честь графа Бобринского. СПб. С. 155-168
- Спицын А. А. 1918. Курганы скифов-пахарей. // ИАК. Вып.65 Пг. С. 87-143
- Тереножкин А. И. 1961. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев
- Ткачук М. Е. 1996. Археология свободы. Кишинев.
- Халилов Д. А. 1971. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. // МИА №177: 183-187
- Хохоровски Я. 1991. Восточные влияния на территории Средней Европы в конце эпохи бронзы и в начале железного века. // Древнейшие ... (1). С. 153-156
- Хохоровски Я. 1996. Городища эпохи поздней бронзы восточной части Карпатской котловины – показатель развития или кризиса общественно-культурных структур. // ЗБГ... Полтава. С. 211-221
- Шпенглер О. 1997. Закат Европы. Т.1. М.
- Шрамко Б. А. 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. // ПСА М.
- Шульц П. Н. 1976. Скифские изваяния. // Художественная культура и археология античного мира. М. С. 218-231
- Членова Н. Л. 1988. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах». // КСИА. Вып. 194. С. 3-9
- Членова Н. Л. 1997. Центральная Азия и скифы. Ч.1. М.
- Эрлих В. Р. 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Яценко И. В. 1959. Скифия VII-V вв. до н. э. М.
- Chochorowski J. 1993. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Środkowej. Kraków.
- Coldstream J. 1968. The Greece Geometric Pottery. London
- Crîșan I. N. 1969. Ceramika dako-getica. Buk.
- Hansel B., Medovic P. 1991. Vorbericht über die jugoslawisch-deutschen Ausgrabungen in der Siedlung von Feudvar bei Mosorin (Gem Titel Voevodina) von 1986-1990 Bronzezeit-Vorrömische Eisenzeit. // Bericht Römisch-Germanischen kommissionen. Band 72 Frankfurt a. M. P.45-205
- Maric Z. 1964. Donia Dolina. // Glasnik zemaliskog muzeia u Sarajevu. Arheologia// nova serria //, sv 19
- Parzinger H. 1991 Inandiktepe – Este – Pozo Moro. // Bericht Band 72 p.5-45
- Sulimirsky T. 1936. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów
- Terzan B. 1990. The Early Iron Age in Slovenian Styria. Lubleana
- Vulpe A 1967 Nekropola hallstadiana de la Ferigele. București
- Vulpe A 1986. Die Basarabi-Kultur. // Dacia NS 19. P.49-90.